

**Отзыв официального оппонента
на диссертацию М.Г. Вершиной на тему
«Экспликация фоноферы в русской
фоносемантической звуковой картине мира
(на материале пермских говоров)»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.02.01 - русский язык**

Диссертационное исследование М.Г.Вершиной посвящено изучению той части лексикона пермских говоров, в которой отражается звучащий мир. Такая лексика не может не быть звукоизобразительной, то есть такой, где в составляющих ее конкретных лексемах означающее, т.е. внешняя, звуковая форма, не случайным образом соотносится с обозначаемым, т.е. более или менее точно отражает обозначаемое звучание. Автору данного отзыва уже приходилось отмечать, что диалектный материал особенно богат звукоизображениями. Поэтому обращение диссертанта к лексике говоров представляется мне очень удачным. Является оно и своевременным, так как предмет языковой звукоизобразительности все чаще становится объектом пристального внимания лингвистов в последнее время. Достаточно упомянуть организацию специальной секции фоносемантики на прошедшем недавно Десятом международном конгрессе по прикладной психолингвистике. Поэтому актуальность рассматриваемого исследования не подлежит сомнению. Научная новизна проделанного М.Г.Вершиной исследования определяется при этом отнюдь не только малой исследованностью собранного ею материала, но в первую очередь новизной и глубиной поставленных и решаемых в работе теоретических задач. Целью исследования является в первую очередь идеографическая субкатегоризация исследуемых лексем — что само по себе

уже могло быть достаточным для оправдания предпринимаемого исследования — но главное - это уточнение ряда известных в науке и введение в научный обиход новых теоретических понятий и терминов. Так, уточнены содержание и взаимные отношения таких категорий, как *фоносфера*, *фоносемантическая/звуковая картина мира*, *диалектная звуковая картина мира*, предложены различные модели фоносферы и диалектной звуковой картины мира, и т. д. Всего этого достаточно, полагаю, для признания того, что диссертационное исследование М.Г.Вершининой обладает необходимым потенциалом теоретической значимости.

Отличительной чертой диссертации М.Г.Вершининой является отсутствие чисто литературно-обзорной главы. Уже в первой главе, озаглавленной «Фоносфера и фоносемантическая звуковая картина мира», в ходе анализа современного состояния научных теорий, связанных с обсуждаемыми вопросами, автор проявляет себя как равноправный участник дискуссии и предлагает собственную интерпретацию анализируемого теоретического пространства в виде разработанных ею моделей исследуемых явлений и концептов. Такое построение вводной главы свидетельствует о научной зрелости автора работы.

Вторая глава является полностью исследовательской. Здесь прежде всего обосновывается отбор лексем для анализа. Далее следует сам анализ интереснейшего материала, который в большей части был собран самой исследовательницей в условиях полевой работы с диалектоносителями. Идеографическая субкатегоризация материала выявила наличие в нем трех фоносфер (точнее, учитывая сказанное самой автором на с. 41, трех лингвофоносфер), терминированных автором как био-, антропо- и социофоносферы. В пределах этих лингвофоносфер выявлены фоносемантические поля — по четыре поля в первой и третьей фоносферах и три поля — в антропофоносфере. Таким образом, семантическая структура лингвофоносферы, отраженной в исследованном материале, оказывается

рассмотренной полно и подробно. Добавлю от себя: к тому же весьма тщательно.

В третьей главе автор вновь обращается к мнениям своих предшественников по теме — но после и на основе предварительного анализа структуры фоносемантической диалектной звуковой картины мира. Таким образом, осмысление места выявленного автором феномена диалектной звуковой картины мира в теоретическом пространстве фоносемантики и когнитивистики проводится рамочно — в теоретическом введении читателя в проблематику и после проведения полного анализа всех данных. Такое построение диалога с читателем еще раз свидетельствует о теоретической зрелости автора диссертации.

О том же говорит и содержание раздела «Положения, выносимые на защиту», ни одно из которых не является тривиальным, самоочевидным и не требующим доказательств. Правильно сформулировано авторское представление о том, что составляет научную новизну исследования. Поскольку материал был прежде исследован слабо, можно было ожидать, как это нередко бывает в таких случаях, что научную новизну автор представит читателю прежде всего именно на этом основании. Но автор формулирует свое представление о новизне именно на основании полученных научных результатов. Столь же удачно сформулирован и раздел о теоретической значимости предложенных в работе идей.

В главе 2, где проводится основной фоносемантический анализ материала, много новых и интересных наблюдений. Одним из неожиданных и весьма интересных результатов оказалось наличие звукоизображений, связанных с, казалось бы, совершенно не звучащими предметами или существами, такими, как трава или рыбы. Трава, оказывается шуршит, когда сохнет, а рыбы хоть и не издают воспринимаемые человеком сигнальные звуки, но плещутся и булькают. Обращает на себя внимание принципиально одинаковое (в терминах фонотипов) строение ономатопов одного и того же

класса в русском языке и в английском, где их общая картина получила исчерпывающее описание в трудах С.В.Воронина, а позже была детализирована в работах его учеников и последователей.

Из итогов третьей главы наиболее интересными мне представляются те, в которых отражается соотношение по наполняемости и тем самым по важности для диалектоносителя различных фоносемантических номинаций. Весьма показателен в этом отношении факт значительного преобладания лексики антропоцентричного характера. Таких лексем намного больше даже чем тех, которые отражают звуки природы. Кроме того, М.Г.Вершинина убедительно показала, что мир звукоизображений, в которых связь между звучанием и значением жива в современной синхронии, беднее того, в котором наличествуют номинации абстрактного характера, в которых эта связь утрачена и где отражается человек духовный. Процесс денатурализации изначально примарно мотивированного слова неизбежен, ибо он освобождает слово от его детских фоносемантических пеленок и выпускает его в мир метафоры, в мир безграничного познания, осуществляющегося через номинацию.

Из прочих достоинств работы отмечу, что она написана зрелым научным языком, хотя, надо признать, не до конца вычитана, так как содержит ряд досадных несогласованностей по родам и/или падежам.

Мои замечания по работе таковы.

1. О термине «Звукоизобразительная гиперлексема». Термин введен совсем недавно, и его содержание еще не «устоялось». Но термин только тогда будет с успехом служить своему разделу науки, когда будет одинаково пониматься всеми пользователями. Цитируя Н.Н.Швецову, в чьей работе этот термин был введен, М.Г.Вершинина правильно говорит, что гиперлексема — это то, что объединяет конкретные лексемы, отличающиеся друг от друга на одну/две фонемы в пределах одного фонтотипа **при полном тождестве значения**. Это абсолютное тождество значения в случае с материалом Н.Н.Швецовой устанавливалось автоматически, просто потому, что речь шла об

ответах разных информантов **на один и тот же вопрос анкеты**. В исследовании Н.Н.Швецовой вопрос о вариантности/тождественности слова стоял очень остро, потому что там рассматривались ответы, полученные от информантов со всей Англии, отчего количество более или менее различающихся реализаций ответов на один и тот же вопрос порой доходило до 40. Конечно, в источнике, откуда Н.Н.Швецова черпала свой материал, были и такие вопросы, на которые практически все информанты давали один и тот же ответ, с реализациями, различавшимися лишь в соответствии с местными нормами произношения, либо напротив, давали реализации настолько разные по фонетическому составу, что их можно было квалифицировать только как разные слова (Ср. русск. *вилок* капусты и *кочан* капусты). В таких случаях диалектологи говорят о *географических синонимах*. Но материал Н.Н.Швецовой, то есть звукоизображения, неизменно давали ряды вариантов совсем иного рода — с фонетическим обликом почти идентичным, например, такой ряд со значением ЖЕВАТЬ С ХРУСТОМ: *crunch, grunch, scrunch, cronch, craunch, graunch* при наличии и других рядов ответов на тот же вопрос и тоже с весьма схожим фонетическим строением, например, *crush, cresh, gresh* и т. п., или *cham, champ, chomp*, и т. д., и т. п. Возникал вопрос: имеем ли мы здесь дело с вариантами какой-то одной лексемы или с разными лексемами? Конечно, *crunch* и *cham* или *crush* и *chomp*, надо полагать, разные слова. Но вот как относиться к членам рядов, отличающихся друг от друга на одну-две фонемы, причем фонемы одного и того же фонотипа? Стало ясно, что терминологии, используемой для описания обычных лексикологических рядов, в мире звукоизобразительной лексики недостаточно. Так появились термины *звукоизобразительная гиперлексема* и *фоносемантические синонимы*. Этот второй термин описывает случаи, когда конкретные реализации отличаются также лишь одной или двумя фонемами, но относящимися к разным фонотипам. Неизменным, однако, остается условие полного семантического тождества всех конкретных вариантов. Между тем у М.Г.Вершининой, помимо примеров рядов, которые

можно действительно терминировать как варианты гиперлексемы (например, *дыхать, сдышать, дохнуть, пышкать*, возможно, также и *вышкать* — все со значением ДЫШАТЬ) (с. 71) находим совокупности таких единиц, как ГОЛОСА ПТИЦ, также называемые гиперлексемой, в то время как денотаты разных голосов птиц — это совершенно разные звуки, а значит такие слова - **фоносемантически** разные. Ведь денотат ономатопа - это акустический феномен — а он у разных птиц разный. Недаром в этот ряд входят реализации с совершенно разными фонетическими структурами: *пить-пить-пить, кукуша, гаргать, крыш-крыш, фуу, чувыр* и т. п. (с. 73). Это не только не фоносемантические синонимы, но вообще не синонимы, а члены тематической группы.

2. Мне нехватает точности в обращении автора с термином фоносфера. На с. 41 М.Г.Вершинина говорит, что фоносфера является внешней средой для звуковой языковой картины мира, а языковое ее отражение может быть названо лингвофоносферой. Такую постановку вопроса легко принять. Непосредственно за этим текстом следует подробная разработка идеи о соотношении фоносферы с категорией звуковой языковой картины мира, с которой тоже охотно соглашаешься. Но позже неожиданно возникает разговор о фоносфере пермских говоров (Заголовок главы 2). Здесь уже в термин фоносфера вкладывается явно другое содержание. Точнее, может быть, было бы назвать главу Отражение фоносферы в пермских говорах? Или вспомнить уточнение, сделанное в первой главе, и применительно к теме главы 2 говорить о лингвофоносфере пермских говоров? Но этому препятствует неожиданное второе появление термина *лингвофоносфера* (с. 100 и след.) в новом, узком значении *сфера звуков, связанных с речевой деятельностью человека*. Словом, над терминологией избранного М.Г.Вершининой направления исследований следует еще поработать.

Впрочем, нетрудно заметить, что мои замечания носят дискуссионный характер и не могут повлиять на общее положительное впечатление от работы.

Возвращаясь к общей оценке работы, нужно сказать, что диссертация М.Г.Вершиной «Экспликация фоносферы в русской фоносемантической звуковой картине мира (на материале пермских говоров)» представляет собой законченное исследование весьма интересного материала, написанное на высоком теоретическом уровне и принесшее лингвистической науке новые ценные данные и потому полностью удовлетворяет всем требованиям Положения ВАК о присуждении ученых степеней, в том числе и требованиям пунктов 7 и 8 этого Положения, и полностью соответствует уровню и содержанию работ на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 — русский язык, а ее автор, М.Г.Вершина, заслуживает присуждения ей искомой ученой степени.

Доктор филол. наук, проф.

ректор НОУ ВПО Институт иностранных языков

О.И.Бродович